

Последняя глава диссертации предназначена для обобщений и заключений, в ней с точки зрения практического использования еще раз обращается внимание на все отглагольные существительные эстонского языка начиная с *mine*-производных и кончая существительными с суффиксом *-e*. За этим следует обобщающая характеристика словообразовательных моделей. Автор наряду с другими предложениями считает необходимым при третьей степени долгиго исключить из технических терминов *ur*-суффикс и оставить его только для обозначения деятеля. Однако в последнее время развитие осуществлялось в этом направлении, как видим в финском языке (*nauhuri* 'магнитофон'), и кардинальный поворот, вероятно, уже трудно выполнить. Однако предложение само обосновано и дельно. Наряду с словообразовательными моделями *-la* и *-us*, выражающими место действия (*ujula* 'купальня', *kauplus* 'магазин'), на стр. 162 не упомянут тип с суффиксом *-mi*, расширение границы применения которого заслуживает внимания, так как суффикс *-la* имеет «опасность» превратиться в «сверх»продуктивный.

Содержательное исследование базируется на обширном языковом материале. Автор хорошо знакома с литературой по специальности, перечень которой занимает 11 страниц.

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.4.10>

Jaak Simm, Võnnu kihelkonna asustusalane toponüümika.
Väitekiri filoloogiakandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks,
Tallinn 1973.

31 октября 1973 г. на заседании Совета по историческим и филологическим наукам Отделения общественных наук АН ЭССР состоялась защита кандидатской диссертации научным сотрудником Института языка и литературы АН ЭССР Яаком Симмом на тему «Комонимы Выннуского прихода». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук Р. Карелсон (Таллин).

За последние годы изучению эстонских топонимов уделяется больше внимания, чем прежде. В связи с этим диссертация Я. Симма о комонимах Выннуского прихода появилась не на пустом месте. На современном этапе изучения эстонской

Отмеченные незначительные недостатки, часть которых спорна, не умаляют значения исследования Р. Казик по разработке теоретических основ деривации эстонского языка и выяснению словообразовательных моделей отглагольных существительных. Автор убедительно показала, что опирающаяся на грамматику падежей Фильмора концепция для отглагольных существительных полностью применима и допускает ее дальнейшую разработку. Другое дело, конечно, отыменные производные, для анализа которых грамматика Фильмора не пригодна и в связи с этим выявляется ограниченность данного метода и непригодность его для разработки деривационных проблем в целом. В настоящем исследовании расширены границы применения грамматики падежей Фильмора. При комплексном рассмотрении проблем с точки зрения словообразовательных моделей, семантики и синтаксиса автору первой удалось показать, что и такие отглагольные существительные можно производить по генеративным правилам, где процесс деривации вносит новые семантические показатели.

Автор диссертации показала себя способным исследователем, чьи логические заключения в области деривации следует учитывать и другим языковедам.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

топонимии возможность самой детальной разработки, несомненно, обеспечивают исследования регионального характера, в число которых входит и рецензируемая диссертация. Тема исследования выбрана удачно, так как автор ее изучает комонимы той территории, которая примыкает к северной части уезда Тартумаа, уже исследованной В. Паллем и описанной в его монографии «Rõhja-Tartumaa kohanimed» (Tallinn 1969; Топонимия северной части уезда Тартумаа). Эти территории имеют некоторые общие черты в истории заселения, кроме того, сюда проникают русские влияния с востока. Все это позволяет рассматривать диссертацию Я. Симма как один из разделов намечен-

ного исследования по топонимии тартуского диалекта в целом, работы, у которой как у составной части комплексного исследования уже сейчас имеются точки соприкосновения с соответствующими этническими и диалектологическими трудами (А. Моора, Х. Кээм). Нет сомнения, что подобные региональные исследования эстонских топонимов смогут дать проанализированный с лингвистической точки зрения сравнительный материал и представить смежным наукам (диалектологии, археологии, истории), а также создать предпосылки для написания обобщающих работ по всей Эстонии. Они, разумеется, должны отличаться значительно более высоким уровнем, чем работа Л. Кеттунена «*Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen*» (437 стр.), изданная в 1955 г. в Хельсинки — самое капитальное из выполненных до сих пор исследований по эстонской топонимии. Несмотря на ограниченность темы, Я. Симму удалось внести некоторые коррективы в отдельные ошибочные толкования предыдущих исследователей.

Структура рецензируемой диссертации (230 стр. машинописи) целесообразна и логична, соответствует его материалу. Основную часть работы представляют главы «Этимологии» (стр. 91—134) и «Анализ» (стр. 135—183). В предисловии (стр. 2—9) излагаются принципы оформления словарных статей и дается обзор источников. Во введении (стр. 10—18) прослеживается история заселения Выннуского прихода и вкратце характеризуются языковые особенности говора Вынну. На диалектологической карте хорошо видно расположение Выннуского прихода в отношении соседних территорий. Так как топонимические исследованиями интересуются не только диалектологи, на стр. 18 к формам *vēze, sāze* и другим следовало бы дать переводы. В какой-то мере иррирует то, что диалектные формы типа *mõije* называются имперфектом с признаком *e*, ибо признаком имперфекта здесь все же служит *-i*, за которым следует *-je*, восходящее к флексии **-hen*. Однако указанная неточность получила довольно широкое распространение и иногда встречается даже в диалектологических исследованиях.

Вслед за основными главами помещен список использованной литературы (стр.

184—197). В этот список следовало бы включить и названия исторических документов, приведенные в конце оформленного отдельным томом «Приложения», на которые автор ссылается в предисловии к основной части диссертации. Заключительная часть работы содержит расшифровку принятых в диссертации сокращений и (стр. 198—201) несколько указателей, что позволяет легко ориентироваться в материале.

Автором диссертации из различных источников и архивов собран богатый комонимический материал, относящийся к Выннускому приходу. Помимо этого привлечены соответствующие материалы из Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР. С целью пополнения топонимической картотеки Института языка и литературы АН ЭССР Я. Симм три года подряд ездил в летние экспедиции на территорию Выннуского прихода. Однако в работе не отмечено, какое количество топонимических карточек легло в основу исследования. Ранние написания комонимов, содержащиеся в исторических документах, воспроизведены в порядке словарных статей на 249 стр. «Приложения». Поскольку в основной части работы эти написания приводятся только в тех случаях, когда они (по мнению автора) помогают этимологизировать соответствующие комонимы, то непреходящую ценность приобретает именно «Приложение», которое позволяет к тому же материалу подойти с другого аспекта и дать ему иную интерпретацию.

В первой главе несколько мешает полное отсутствие в большинстве словарных статей ранних записей комонимов. Хотелось бы, чтобы эти записи были воспроизведены хотя бы вслед за датами их первого упоминания. Здесь автор явно излишне сократил черновой вариант работы. Так как вокабулы вышедших из употребления названий также приводятся в современном написании, то читатель, который знакомится только с основной частью работы, во многих случаях останется в неведении относительно некоторых существенных деталей. Например, что название дер. *Kõnnu* (Кынну) в его первой записи 1582 г. выступает не в форме генитива, а в форме номинатива (*Kiende*), как и ряд более поздних записей, вплоть до 1839 г. (1638 г. — *Konto kulle*, 1839 г. —

Metzkõndo и др.). Приведение таких фактов в словарных статьях, несомненно, укрепило бы базу анализа. Или другой пример: диссертант предполагает, что производящей основой названия *Kotssaar послужили существовавшие некогда слова *kotsa* или *kotso*, упуская из виду, что записи XVI и XVII веков отчетливо указывают на форму *koda* или ее производные *kodu*, *kodi* (1588 г. — *Kodozar*, 1601 г. — *Koddasar*, *Koddisar*).

В общем же оформление словарных статей следует признать удачным. Целесообразно решается вопрос в тех случаях, когда комонимы близки апеллятивным соответствиям (*Mäe t.*, *Oruküla* и др.): здесь вполне оправданно не дается ссылка на соответствующие имена нарицательные. Сравнительный материал по другим языковым и диалектным территориям вполне достаточен.

Диссертант хорошо усвоил методику изучения топонимии, в силу чего этимологии топонимов-вокабул в общем удачны: они или вполне достоверны, или весьма вероятны. С автором можно согласиться в том, что *g* в названии *Kaagvere* появился по аналогии (ср. *kaak* : *kaagi*, стр. 34); что название крестьянского двора *Keegu* восходит к более раннему дифтонгическому *keičõ* (стр. 40); что при названии *Mäekala* следует исходить не из *mägi*, а из *mäda* (стр. 72); что название *Rasina* является не сложным словом, как полагал М. Й. Эйзен (стр. 95—96), а восходит к русскому личному имени *Рязин*, что более ранний *a* вместо *e* в названии *Kastmekoja* позволяет возвести его к сложению *Kaste* + *maa* и т. д. Однако автор необоснованно называет этот последний случай контаминацией (стр. 38). Хорошо, что диссертант ссылается и на сведения из народных преданий, которые при слове *Noorits* подтверждают установленную по записям этимологию *Loorits*. Только в данном случае было бы точнее говорить не о чередовании звуков, а о диссимилации, где первый из плавных (*l*, *r*) заменился носовым *n*. В случае с названием *Naila языковые данные вполне убедительно указывают на североестонские миграционные влияния (ср. южноэст. *nagel* : *nagla*, стр. 75—76). В трактовке комонимов *Tüüra, *Troialiin* (ср. рус. *строй* — здесь автор свои наблюдения подтверждает объяснение,

предложенное ранее В. Паллем) и ряда других можно присоединиться к суждениям автора.

В некоторых же случаях диссертант сохраняет излишний нейтралитет по отношению к выдвинутым ранее толкованиям, это касается комонимов *Naruske, *Kärsna*, *Lavatsi* и др.

В части этимологий рецензент подметил кое-какие погрешности, которые следует квалифицировать как неточность или недоработку. В связи с ранными написаниями комонима *Kuiksaare* (*Kuckusare* и др., см. стр. 52) нет необходимости указывать на орнитоним *kukk* : *kuke*, так как в южноэстонских диалектах существует *kikas*, поэтому в этом и не только в этом комониме гласный *e* основы восходит к более раннему *ei, а не к *oi. В случае с *Kuussaare* было бы точнее говорить не о сложении основ с консонантным исходом, а о номинативной форме определенного компонента, вошедшего в композит (стр. 53). Остается неясным, почему при реконструкции названия *Leegu автор наряду с закономерной формой *lëkko учитывает и возможность существования *leikko (стр. 61). К названию *Murulaane* приводится апеллятивная параллель *murd* : *murru*, тогда как фонетическая мотивировка в пользу утраты звуком *r* своей долготы отсутствует (стр. 71). При названии *Ahunapalu* диалектное этимологическое соответствие *ahun*, *ahunas* приводится без перевода (стр. 23). Остается непонятным, почему, по мнению диссертанта, это название по существу нелогично, если в некоторых диалектах *palu* 'болотистая почва' т. е. 'мокрая земля', где в половодье могли водиться окуни. Нет надобности связывать название *Kastre*, известное уже в XIII веке, с водскими землями (стр. 39), так как это русское заимствование проникло параллельно в разные прибалтийско-финские языки (в том числе и в наши юго-восточные говоры, как об этом свидетельствуют сетуские народные песни). Материалом диссертации противоречит утверждение автора, будто в южноэстонских диалектах нет примеров выпадения зубного согласного в апеллятиве *konts*, ибо на стр. 47 приводится *kons* : *konsa* из говора Сангасте. Из-за этого утверждения трактовка комонима *Konsa* противоречива. То же повто-

ряется в отношении названия *Tenzo* (стр. 116):

Параллели некоторых топонимов, принадлежащих к категориям имен нарицательных или имен личных (фамилий), следовало бы раскрыть более детально. Так, в работе не отмечены следующие случаи: название *Mütaots* (стр. 75) — *mütt: müta* в значении 'ботало', ср. также глагол *müttama*; название *Konsi* (стр. 47) — личное имя *Konsin*; название *Kotiku* (стр. 48) — русское личное имя *Koruk*; название *Kärna (стр. 55) — личное имя *Kerna* (между прочим, во всех записях этого комонима содержится гласный *e*: *Kerna*), название *Purika (стр. 92) — личное имя *Purik(as)*; название *Uiga* (стр. 125) — личное имя *Uiga*, название *Reisvoldi* (стр. 97) следовало бы сопоставить с немецким апеллятивом *Reichswald* 'государственный лес'.

Вторая глава диссертации состоит из разделов, посвященных принципам номинации, структуре комонимов, наслоениям различного возраста и происхождения в комонимии, замене и утрате комонимов. Эти разделы, за исключением отдельных погрешностей, тоже написаны со знанием дела и достаточной основательностью. Особый интерес представляет раздел о замене и утрате комонимов. С такой точки зрения топонимы у нас до сих пор не рассматривались. При этом автору удалось, за редкими исключениями, локализовать все прежние названия деревень. Мешает лишь, что оригинальное написание названий в том виде, в каком они впервые были зафиксированы в исторических документах, заменено предполагаемым современным написанием. Рассматривая языковую сторону комонимов, диссертант установил ряд закономерностей в ранних записях. Детально проанализированы структурные компоненты комонимов, процесс становления эллиптических названий, суффиксы русского происхождения, способы фонетического освоения апеллятивов, топонимическая метонимия, переразложение комонимов и т. д. У рецензента имеются отдельные мелкие замечания по этим разделам работы. На стр. 146 диссертант утверждает, будто название *Kõllametsa* содержит адъективный определительный компонент, что не соответствует действительности, ибо в роли определительного компонента здесь

выступает существительное. По-видимому, именно так он трактуется автором в другом месте работы (стр. 53). Зато справедливо утверждение Я. Симма о том, что в слове *kõld* (стр. 158) сохранился первоначальный *õ*. Это следовало бы подкрепить примером из финского языка *kelta*. Здесь безынтересно отметить, что, как и во многих других случаях, у южноэстонского слова *kõllane* имеется точное финское соответствие *keltainen*, тогда как в отличие от них северозест. и лит. *kollane* восходит к варианту с *o*. На стр. 146 в числе комонимов, содержащих в своей структуре послелоги и предлоги, приведены *Alaküla* и *Tagatalu*. Фактически же их первые компоненты представляют собой древние существительные. То же относится и к *Ede-Aage* и *Taga-Aage* (стр. 147), которые автор ошибочно считает образованиями с предлогом (ср. финские сложные слова с первыми компонентами в форме *ala-, taka-, etu-*, которые первоначально принадлежали к категории существительных).

В анализирующей части диссертации похвально то, что автор статистически обработал данные о наслоении и происхождении комонимов по столетиям. Оказывается, что из 718 проанализированных комонимов эстонскими по своему происхождению являются 554, русскими — 77 и немецкими — 43. Неизвестно происхождение 44 названий. Комонимы, не получившие этимологического решения, перечислены на стр. 143—144, однако их количество не совпадает с приведенным в таблице на стр. 175. В перечне во всяком случае отсутствуют названия *Kaszikusze и *Prilli*. Название *Prilli* автор не осмелился связать с апеллятивом *prillid* и в словарной статье на стр. 91, хотя он именно на территории южноэстонских диалектов встречается в форме единственного числа *prill* и известен также как личное имя (*Prill*). Тот факт, что комонимы, не получившие никакого толкования, составляют довольно большое количество в абсолютных цифрах (в процентном исчислении, правда, только 6,1), автор объясняет тем, что ему «не удалось найти подходящего соответствия или среди апеллятивов, или среди личных имен» (стр. 143). По мнению рецензента, попытку к этимологизации следовало все же сделать в случаях с комонимами *Hallatu — ср. апеллятив *hall: halla* и

его каритивное производное *hallatu* '(место) без заморозков', название деревни *Kasynso* (1512 г.), где флексия генитива *-n* еще явно сохранилась, а современной формой названия было бы *Kassisoo*; такого же происхождения и название **Kaszikusze*, где сочетание букв *sz* передает звук *s*; **Kiljaku* — ср. глаголы *kiljuma* и *kiljatama*; **Oksi* — ср. существительное *oks : oksa*, топоним *Oksa* (в окрестностях г. Вильянди), а **Oksi* является, по всей вероятности, его производным с суффиксом *-i-* (в отношении суффикса *-i-* ср. *Taba-salu* и *Tabi-vere*); **Pillakassi* — ср. финское существительное *pilla* 'дурной поступок и т. д.', эстонский глагол того же корня *pillama* и, в частности, южно-

эст. *ovene om pillal* 'лошадь понесла'; **Purju* — ср. существительное *puri : purje*, наречие *purjus* и глагол *purjutama* (в записях XVIII в. *Purjo Andres*); **Torga* — ср. диал. *tork : torga* 'торба'; **Trotse* — ср. рус. *троица*; **Täte* — ср. личное имя *Täte*.
Трудоёмкая диссертационная работа Я. Симма — строго систематизированное и методически обоснованное исследование, которое содержит достоверное описание происхождения и становления комонимии Выннуского прихода. Благодаря подробным указателям этой работой без труда могут пользоваться и специалисты смежных областей науки.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Р. Ш. Насибуллин, Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1972.

Приятно сознавать, что в удмуртской диалектологии, наиболее отсталой области не только удмуртского, но и финно-угорского языкознания, наметились в последние десятилетия определенные позитивные сдвиги. Об этом свидетельствуют десятки больших и малых диалектологических публикаций, среди которых стоит особо выделить объемистое описание фонетики и морфологии бесермянского наречия удмуртского языка¹, описания отдельных удмуртских диалектов.²

1 июня 1973 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита еще одного крупного исследования в области удмуртской диалектологии — кандидатской диссертации Р. Ш. Насибуллина «Закамские говоры удмуртского языка». Официальными оппонентами выступали академик АН ЭССР, доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук В. К. Кельмаков (Ижевск). Диссертация выполнена под руководством доктора филологических наук профессора В. И. Лыткина в секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР.

Объектом изучения в рецензируемой работе были удмуртские говоры закамской Башкирии, которые начали формироваться с конца XVI века на базе более древних говоров юго-западного, южного и северного типов. Поскольку эти говоры длительное время развивались в иных условиях, чем другие удмуртские диалекты, многие общеудмуртские языковые процессы получали в них несколько своеобразное преломление. Поэтому данные говоры служат исключительно ценным источником для изучения многих вопросов истории удмуртского языка и в руках умелого специалиста могут в некоторой мере возместить отсутствие древних письменных памятников. Учитывая, что об этих говорах мы имели до сих пор лишь отрывочные сведения в работах некоторых зарубежных и современных удмурт-

(канд. дисс., рукопись); И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных), Тарту 1958 (канд. дисс., рукопись); В. К. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка, Москва 1969 (канд. дисс., рукопись); С. К. Бушмакин, Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка, Ижевск—Москва 1972 (канд. дисс., рукопись). Кстати, две из них защищены в последние три года, см. рецензии Т. И. Тепляшиной: СФУ VII 1971, стр. 152—157; СФУ VIII 1972, стр. 296—301.

¹ Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970.

² Т. И. Тепляшина, Тыловыйский диалект удмуртского языка, Москва 1955